

Л. И. Иванова

Карельская баня:

обряды, верования,
народная медицина
и духи-хозяева

Университет Дмитрия Пожарского

Людмила Иванова

**Карельская баня: обряды,
верования, народная
медицина и духи-хозяева**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2016

УДК 392+398.2+398.4+615.89 (=511.1)
ББК 63.5 (2 Рос. Кар.)

Иванова Л. И.

Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева / Л. И. Иванова — «Русский фонд содействия образованию и науке», 2016

ISBN 978-5-91244-150-09

Первое комплексное исследование, посвященное карельской бане, выполнено на основе материалов, выявленных в архивах Республики Карелии и Финляндии с привлечением большого количества сведений этнографии, фольклористики, лингвистики, архитектуры и других смежных дисциплин. Основное внимание уделено банным ритуалам и верованиям, бытовавшим у карелов в XIX и XX веках. Подробно рассмотрены обряды жизненного цикла, проводимые в бане, и любовная магия. Впервые исследуются мифологические представления, на которых базируется народная медицина, а также банный этикет и верования, связанные с духами-хозяевами бани. Изучение банного локуса, сакрального для карелов, позволило представить еще один аспект архаичного мировосприятия народа, демонстрирующего на обозримом этапе синкретизм языческих и христианских представлений.

УДК 392+398.2+398.4+615.89 (=511.1)

ББК 63.5 (2 Рос. Кар.)

ISBN 978-5-91244-150-09

© Иванова Л. И., 2016

© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2016

Содержание

Введение	6
Из истории появления бани на территории славян и финно-угров	9
Архитектура и внутреннее убранство карельской бани	15
Этикет банного ритуала карелов	26
Функции карельской бани в обрядах жизненного цикла	32
Баня в родильной обрядности	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Людмила Иванова

Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева

Ven'an tietoaikademii
Karjalan tiedokeskus
Kielen, literatuurin da histourien instituuttu
Dmiitrii Požarskoin yliopisto

L. I. Ivanova

Kyly:
karjalaizien tavat da uskomukset, rahvahan liecetiedo da kylyn haltijat

Moskovu
Dmiitrii Požarskoin yliopisto 2016

Утверждено к печати Ученым советом Института языка, литературы и истории КарНЦ
РАН

Подготовлено к печати и издано по решению Ученого совета Университета Дмитрия
Пожарского

Научный редактор
кандидат исторических наук А.П. Конкка Рецензенты:
доктор исторических наук И.Ю. Винокурова,
доктор филологических наук А.В. Пигин,
кандидат филологических наук О.М. Жаринова,
кандидат исторических наук К.К. Логинов,
кандидат филологических наук В.П. Миронова

Введение

Работа написана на основе рукописных материалов, хранящихся в Научном архиве КарНЦ¹, и аудиозаписей из Фонограммархива ИЯЛИ². Данные тексты собраны в основном во второй половине XX века. Все они (кроме причитаний) выявлены, расшифрованы и переведены на русский язык автором книги, на протяжении последних двух десятилетий собиравшим материал по карельской мифологии во время ежегодных фольклорно-этнографических экспедиций. Более ранние записи, относящиеся к XIX и первой трети XX века, выявлены в Фольклорном архиве Финского литературного общества³. Большинство фольклорных текстов вводятся в научный оборот впервые, в сносках указывается место записи.

Дополнительный фактический материал по обрядам, проводимым в бане, и верованиям, связанным с банной тематикой карелов, взят из немногочисленных печатных источников. Это статьи Н. Ф. Лескова, М. Д. Георгиевского, А. Георгиевского и некоторых других авторов, напечатанные на рубеже XIX–XX-го веков в журнале «Живая старина» и в газете «Олонецкие губернские ведомости»⁴. Чаще всего в этих статьях описываются быт и верования южных карелов (ливвиков и людиков).

В работах финских собирателей и исследователей также содержится фольклорно-этнографический материал о карельской бане. Сборники текстов Пертти Виртаранта посвященылюдикам и северным карелам⁵.

В книгах Самули Паулахарью рассматривается архитектура карельской бани и, в меньшей мере, связанные с ней верования карелов, проживающих в Приладжье (Raja-Karjala) и Калевальском районе (Vienan Karjala)⁶. Тексты банных заговоров и материал о лечебной бане выявлены и в многотомном финском издании «Suomen kansan vanhat runot» («Руны финского народа») ⁷.

В научном плане тема карельской бани до настоящего времени слабо исследована. В 1992 году была опубликована статья Р. Ф. Никольской и Ю. Ю. Сурхаско «Баня в семейном быту карел»⁸. Ю. Ю. Сурхаско также касался рассмотрения роли и функций бани, подробно изучив в своих монографиях семейные обряды карелов⁹. В связи с исследованием карельских свадебных причитаний к банной тематике обращались У. С. Конкка и А. С. Степанова¹⁰. А. С. Степанова подробнее рассмотрела предсвадебную баню жениха¹¹.

¹ Далее: НА номер фонда, номер описи, единица хранения, лист.

² Далее: ФА номер кассеты/номер единицы хранения на ней (место записи).

³ Далее: SKS номер микрофильма/номер текста на нем.

⁴ Далее: ОГВ.

⁵ Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki, 1963. 453 s.; Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa III. Helsinki, 1964. 402 s.; Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo-Hel-sinki, 1958. 808 s.

⁶ Paulaharju S. Matkakuvia karjalan kankailta. 1907. Helsinki, 1981. 118 s.; Paulaharju S. Karjalainen sauna. Helsinki, 1982. 109 s.; Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuulema. Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Jyväskylä, 1995. 248 s.

⁷ Далее: SKVR номер тома, номер части: номер текста (место записи).

⁸ Никольская Р.Ф., Сурхаско Ю. Ю. Баня в семейном быту карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 68–85.

⁹ Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность. Л., 1977. С. 101–102, 107–109; Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Л., 1985. С. 24–36.

¹⁰ Конкка У. С. Поэзия печали. Петрозаводск, 1992. 296 с.; Степанова А. С. Свадебные причитания и ритуальная баня // А. С. Степанова. Карельские плачи. Петрозаводск, 2003. С. 49–69.

¹¹ Степанова А. С. Поэзия калевальской метрики и причитания // Степанова А. С. Карельские плачи. Петрозаводск, 2003. С. 170–174.

В гораздо большей степени изучена русская баня. Этой теме посвятил свою работу финский исследователь И. Вахрос¹². В 2004 году вышла в свет коллективная монография по общерусской банной традиции «Баня и печь в русской народной традиции»¹³. В статьях Н. А. Криничной основное внимание уделено севернорусской мифологической прозе о баеннике¹⁴. Банным обрядам народов, проживающих на территории

Карелии, посвящены статьи К. К. Логинова¹⁵. Книга «Баня, банька, баенка», написанная коллективом авторов, касается как архитектурных, так и обрядовых моментов, связанных с русской баней¹⁶. Роль бани в русской сказочной традиции (с некоторыми параллелями из карельских сказок) рассматривается в статье И. А. Разумовой¹⁷. Изучением обрядов и верований, связанных с вепсской баней, занимается И. Ю. Винокурова¹⁸.

Данное комплексное исследование – первая попытка обобщить всю имеющуюся в распоряжении автора информацию о карельской бане, банных ритуалах и верованиях, активно бытовавших на территории Республики Карелии в течение XIX и до середины XX века. Это была единая традиция для всего карельского народа с небольшими отличиями в мелких деталях в локальных практиках. В меньшей мере это касается тверских карелов, материал о банных обычаях которых (им, как и вепсам, присуща и печная традиция паренья) включен в работу только в качестве параллелей.

Основной задачей работы является рассмотрение роли бани в общекарельской мифоритуальной традиции на основе разбросанных по разным междисциплинарным источникам сведений, а также их последующая систематизация.

В книге рассматривается архитектура карельской бани и банная утварь. Большое внимание уделено народному этикету и различным табу при посещении бани. Впервые комплексно и наиболее полно исследуются все обряды, проводившиеся в бане и основанные на культе предков *syndyzet* и банных духов-хозяев *kylynizändät da kylynemändät*, почитании природных стихий огня и растительности, воды и земли. Это в первую очередь обрядность жизненного цикла, связанная с переходными периодами в жизни человека, – родильная, свадебная (в нее входит несколько видов бани: невестина, женихова, новобрачных, а иногда и ритуальная послесвадебная баня для исцеления молодого мужа) и похоронно-поминальная. Подробно исследуется *lemmennostokyly* баня поднятия лемби и другие обряды, связанные с любовной магией карелов и практиковавшиеся в бане. Рассматриваются обряды гадания, которые проводились в данном локусе в сакральные временные промежутки, молодежная игровая практика, а также некоторые магические ритуалы, сопряженные с рыбалкой, охотой и сельским хозяйством.

Особое внимание уделено народной медицине, представлениям карелов об истоках болезней и их персонификации, в основе которых лежат мифологические архетипы, а также роли бани в процессе лечения различных недугов, сглазов и проклятий.

¹² Vahros I. Geschichte und Folklore der grossrussischen Sauna. FFC. N 197. Helsinki, 1966. 360 pp.

¹³ Баня и печь в русской народной традиции / Отв. ред. В. А. Липинская. М., 2004. 288 с.

¹⁴ Криничная Н. А. Баенник как прообраз домашних духов // Н. А. Криничная. Русская мифология: мир образов фольклора. М., 2004. С. 26–94.

¹⁵ Логинов К. К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993. 228 с.; Логинов К. К. Материалы по традиционным обрядам и представлениям населения Карелии, связанные с баней // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Петрозаводск, 2009. С. 302–317; Логинов К. К. Из истории бани в Карелии // Традиционная культура. № 1. 2015. С. 133–141.

¹⁶ Баня, банька, баенка / Сост. Я. Р. Рыбкин, Н. А. Криничная, В. И. Анохин и др. Петрозаводск, 1992. 190 с.

¹⁷ Разумова И. А. Баня в народных верованиях и сказке // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 86–109.

¹⁸ Винокурова И. Ю. Банные обряды жизненного цикла человека в вепском культурном ландшафте // Труды Карельского научного центра РАН. 2012. № 4. С. 57–67.

Впервые подробно исследуются народные верования о хозяевах карельской бани, их визуальный код, время и место появления, а также их функции и этикет общения человека с духами.

Мировоззрение карельского народа, связанное с банными ритуалами, изучается на основе многочисленных фольклорных жанров. В первую очередь это мифологическая, суеверная проза и заклинательная поэзия, в меньшей мере – эпические песни, баллады, сказки и причитания, а также такие малые жанры, как пословицы и загадки.

Исследование, базирующееся на фольклорных и этнографических материалах, подкрепляется данными смежных наук: лингвистики, истории, археологии, архитектуры.

В Приложении представлены разножанровые фольклорные тексты из Научного архива КарНЦ РАН и Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Подборка фотоматериалов по теме «Карельская баня» подготовлена Национальным архивом Республики Карелия, за что автор выражает особую благодарность директору КУ НА РК О. М. Жариновой и зав. архивохранилищем М. В. Гарбуз. Неоценимую помощь в работе оказали замечания, сделанные рецензентами д.и.н. И. Ю. Винокуровой, д.ф.н. А. В. Пигиным, к.ф.н. О. М. Жариновой, к.и.н. К. К. Логиновым, к.ф.н. В. П. Мироновой, а также научным редактором: к.и.н. А. П. Конкка.

Из истории появления бани на территории славян и финно-угров

Согласно последним исследованиям, изначально у народов, проживавших на территории современной России, была своя гигиеническая практика, которая сохранялась на протяжении очень длительного исторического периода¹⁹. На Руси традиция паренья появилась в глубокой древности. Еще в «Повести временных лет» описывается, как княгиня Ольга в 945 году сожгла древлянских послов, пригласив их помыться в бане²⁰. Андрей Первозванный, посетивший земли славян в первом веке нашей эры, так описывал поразивший его обычай в районе озера Ильмень: «Удивительное я видел в Славянской земле... Видел бани деревянные, и разожгут их до красна, и разденутся, и будут наги, и обольются квасом кожевенным, и поднимут на себя молодые прутья, и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва слезут еле живые, и тогда обольются водою студеной, и только оживут. И делают это всякий день, никем не мучимые, но сами себя мучают, и это совершают омовение себе, а не мучение»²¹. Чешский исследователь А. Миколачек в 1972 году высказал мысль, что Андрей Первозванный описал банный процесс не славян, а одного из финно-угорских племен, живших в ту пору на этой территории²². История бань на территории самой Чехии и Словакии начинается «в V–VIII веках с прихода с севера и северо-востока словацких племен, которые уже пользовались баней. Это установлено на основании результатов раскопок, во время которых были обнаружены постройки, относящиеся к старой замковой культуре VII–VIII веков, с очагами из камней... Первые письменные сведения о бане на территории Словакии обнаружены в летописи Зоборского аббатства в 1113 году»²³.

После принятия христианства русская гигиеническая практика встретила с греко-византийской. Как считает А. А. Желтов, «севернорусская баня появилась не позже IX века, а к X веку была известна во многих районах Новгородской земли... Бани были широко распространены на пути “из варяг в греки”»²⁴. Исторические истоки бани он видит в пределах Русского Севера и северо-западных областей, расположенных между Финским заливом и верхним течением Днепра, то есть в ареале проживания как финно-угорских, так и славянских народов. Существуют доводы, говорящие в пользу первого появления бани и у той, и у другой культуры. Проанализировав их, ученый делает вывод, что «областью возникновения традиции русской бани следует считать территории вблизи Балтийского моря – бассейн Западной Двины и район вокруг оз. Ильмень»²⁵.

Иной точки зрения о времени и месте возникновения бани придерживается К. К. Логинов. Он связывает происхождение бани у севернорусского населения «с исторически поздним культурным влиянием на восточных славян населения лесной зоны Евразии, а не с влиянием культур Средиземноморья» и отрицает генетическое родство римско-греческих терм и финско-русских бань²⁶. Этнограф считает, что «древнейшей культурно-исторической предше-

¹⁹ Баня и печь в русской народной традиции / Отв. ред. В. А. Липинская. М., 2004.

²⁰ Повесть временных лет. М.-Л., 1950. С. 228.

²¹ Повесть временных лет. М.-Л., 1950. С. 208.

²² Рыбкин Я. Р. Баня парит, баня правит... // Баня, банька, баенка. Петрозаводск, 1992. С. 19.

²³ Матей М. История бань в Чехословакии // Сауна / Под ред. В. М. Боголюбова, М. Матея. М., 1984. С. 14.

²⁴ Желтов А. А. Бани и банные традиции северной и центральной России // Баня и печь в русской народной традиции. М., 2004. С. 27–28.

²⁵ Желтов А. А. Бани и банные традиции северной и центральной России // Баня и печь в русской народной традиции. М., 2004. С. 34.

²⁶ Логинов К. К. Из истории бани в Карелии // Традиционная культура. № 1. 2015. С. 136.

ственницей традиционной крестьянской бани народов Карелии была сначала “земляная печь”, а затем – “земляная баня”, бытовавшая в циркумполярной зоне Евразии со времен мезолита. Тогда она была ямой в земле, раскаленной жаром костра. В яме, накрывшись сырой шкурой животного, потели (но не мылись) после выгребания горячих углей. У береговых чукчей и эскимосов она сохранялась еще в прошлом веке. Финская баня с сухим паром, скорее всего, восходит к данному феномену. Прогревание тел не в яме, но внутри полуподземного жилища, осуществляемое за счет водяных паров от поливаемых водой раскаленных камней очага, стало историческим этапом на пути возникновения русской парной бани, известной также у поволжских и прибалтийских финнов. Если идея Н. Н. Харузина о происхождении жилища у финнов из простейшей бани верна, то привычка мыться в срубных парных банях не иначе как заимствована русскими колонистами от автохтонного финноязычного населения в Средние века по мере расселения в центральной и северной России»²⁷.

Здесь следует также отметить, что временем возникновения сауны у древнефинских племен считается начало нашей эры²⁸. Это косвенно может свидетельствовать о древности и карельской паровой бани.

Согласно русским летописям, на Руси строительством общественных бань при монастырях занялся переяславский епископ Ефрем, вернувшийся из Константинополя в 1072 году²⁹. К одиннадцатому веку М. Фасмер относит проникновение слова «баня» в русский язык из латинского; до этого говорили «мыленка, мыльня, мовня». Латинское *balneum* – «ванна, купальня, баня», означало «место, где моются и парятся»³⁰. Отсюда же истоки слова «бальнеология», то есть лечение водами и грязями.

Но если общественные бани появились на Руси под греко-византийским влиянием, то относительно возникновения приусадебных бань большинство этнологов (Н. Н. Харузин, Е. Э. Бломквист, И. Вахрос, Л. Н. Чижикова, А. А. Желтов) придерживаются мнения о самостоятельности их развития в среде славянских племен, основываясь на сходстве конструкции этих построек с жильем и на повторении в них основных типов внутренней планировки избы³¹.

Наличие в хозяйстве собственной бани, ее соответствие современным реалиям являлись показателями зажиточности во все времена. Например, в описи домов при Александровском заводе в г. Петрозаводске, составленной в 1775 году, подробно описывается «дом главного командира» и указывается, что «перед покоями ж сделана баня и с печью длиною и шириною по две сажени, вышиною до крыши две сажени»³².

Как считают исследователи, «банные строения имели широкое распространение лишь на северо-западе, севере, в Сибири... На юге России, на территориях, прилегающих к Украине, мылись в деревянных чанах, стоявших в избе, в центральной зоне и южнорусской этнографической группе – в русских печах. Этот обычай встречался также местами и на севере Европейской части страны»³³.

П. Виртаранта пишет, что даже в середине XX века во многих деревнях тверских карелов (как и у вепсов³⁴) бань тоже не было, наряду с банной им была присуща и печная тради-

²⁷ Там же. С. 133.

²⁸ Матей М. История появления и распространения сауны в мире // Сауна / Под ред. В. М. Боголюбова, М. Матея. М., 1984. С. 11.

²⁹ Баня и печь в русской народной традиции / Отв. ред. В. А. Липинская. М., 2004. С. 7.

³⁰ Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка. М., 2003.

³¹ Баня и печь в русской народной традиции / Отв. ред. В. А. Липинская. М., 2004. С. 8, 10.

³² Древности Петрозаводска / Сост. А. М. Жульников, А. М. Спиридонов. Петрозаводск, 2003. С. 83.

³³ Желтов А. А. Бани и банные традиции северной и центральной России // Баня и печь в русской народной традиции. М., 2004. С. 14.

³⁴ Винокурова И. Ю. Банные обряды жизненного цикла человека в вепском культурном ландшафте // Труды Карельского научного центра РАН. 2012. № 4. С. 57–67.

ция паренья. Процесс омовения в печи финский исследователь и собиратель описывает следующим образом. Утром печь топили очень жарко. Под вечер, когда хлеб уже испечен, еда приготовлена, застилали дно (под) печи соломой, наливали воду в корыто, брали под мышку веник и заползали по одному в печь. Печь была такая большая, что в ней можно было сидеть. Там парились по полчаса и при желании даже дольше. Выйдя из печи, мылись и обливались, зимой это делали рядом с ней, а летом – в хлеву или в сенях³⁵.

Подобный процесс описан и в книге Л. Воронковой «Девочка из города». Действие в ней происходит во время Великой Отечественной войны в вологодской деревне, куда из блокадного Ленинграда была эвакуирована маленькая Валя. Она была поражена, когда приемная мама устроила баню в большой русской печи. Ей казалось, что черное пространство готово поглотить ее навсегда. Не случайно в фольклоре, как карельском, так и русском, баня воспринимается как некий иной мир со своими правилами и уставом. Бегущая от смерти девочка с дочкой хозяйки прекрасно разместились в печи вдвоем. Они отогрелись там, намылись, и Валя вышла из нее не столько физически очищенная (она-то как раз плечом зацепила печную сажу), сколько внутренне обновленная, словно готовая к новой (в данном случае – мирной) жизни. Это же чувствует человек, выходя из бани даже в наши дни, когда баня и процесс омовения в ней уже утратили свою сакральность.

У карелов печи были гораздо меньше по размеру. Они иногда могли использовать печь в лечебных целях (например, согреть поясницу): ложились в ней спиной на постеленную солому, головой наружу. В одном из текстов, включенных в SKVR, рассказывается о знахарке из Бойницы, которая лечила сглаз мужчине, при этом говорится, что «*talvella koissa kyly lämmitetäh*» – «зимой в доме баню топят»³⁶. Видимо, здесь тоже подразумевается печь, хотя возможно, под это отводилось и какое-то небольшое помещение.

В жизни карела издревле огромное место занимала именно баня. Южные карелы (ливвики и людики) называли ее *kyly*, а карелы, проживавшие в Приладожье и в Северной Карелии, говорили также и *sauna*. Это был сакральный локус для проведения множества обрядов на протяжении всего жизненного цикла человека. Широко был распространен и культ хозяев бани, активно практиковавшийся вплоть до конца первой половины XX века.

У карелов, как и у русских, баня и традиция паренья имеют многовековые истоки.

Для дальнейшего рассмотрения архитектуры карельской бани дадим краткую историческую справку. Первое упоминание *корела* как самостоятельного народа в русских летописях встречается в 1143 году³⁷. С. И. Кочуркина отмечает, что «уже в XII в. корела выступает как самостоятельная этническая общность в истории Древней Руси». На основе последних данных археологии, истории, лингвистики и фольклористики она делает вывод, что «племя корела сформировалось на Карельском перешейке в I тысячелетии н. э., и основу его составило прибалтийско-финское население... в XII–XIV вв. Карельский перешеек с северо-западными берегами Ладожского озера до северо-восточных берегов Финского залива с городом Корела являлся племенным центром». Присутствовали древние карелы и на территории Саво³⁸. А. Ю. Жуков также считает, что корела возникла «в результате сложного межэтнического синтеза на землях Карельского перешейка северо-западного Приладожья, а также заняла область Саво и северную половину Финляндии»³⁹. Начавшаяся «русская колонизация Севера... выражалась, во-первых, в интенсивном заимствовании северными народами хозяйственно-бытовых и культурных достижений русско-славянского мира, а во-вторых, в заселении русскими северных

---

³⁵ Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo-Helsinki, 1961. S. 80.

³⁶ SKVR 1,4:2407.

³⁷ Кочуркина С. И. Народы Карелии: история и культура. Петрозаводск, 2004. С. 114.

³⁸ Там же. С. 98, 102.

³⁹ Жуков А. Ю. Карелия в средневековье (X–XV вв.) // История Карелии с древнейших времен и до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 62.

земель. Но приход русских на север не привел к угасанию этногенеза проживавших тут финно-угров»⁴⁰. Одна из особенностей экспансии, способствовавшая развитию самобытности карельского народа, отмечена в «Хрониках Ливонии» (1220 годы): «Есть обычай у королей русских, покорив какой-либо народ, заботиться не об обращении его в христианскую веру, а о сборе дани и денег»⁴¹. Официальное крещение карелов состоялось в 1227 году, но реальный процесс растянулся на долгие столетия, и синкретизм древних верований (в том числе связанных с баней) и христианских воззрений сохранялся и практиковался вплоть до середины XX века.

В соответствии с данными археологии в конце первой половины второго тысячелетия деревянные четырехугольные срубы домов карелы стояли на фундаментах из мелких плотно пригнанных друг к другу камней. Крыши были односкатными. Печка-каменка располагалась в центре помещения или ближе к выходу. На временных стоянках жилищами служили легкие каркасные постройки с очагом по центру. Срубные дома карелов соседствовали с хозяйственными постройками – гумном с током, овинном, амбаром, помещениями для скота и баней. Все эти сооружения обносились одной изгородью. В древности к поселению примыкали могилы с высокими насыпными курганами, “домики мертвых”.

«Неблагоприятный, суровый климат привел к тому, что на Русском Севере, прежде всего на Двине, в конце XVI – начале XVII вв. возник новый тип двора. Он объединил все жилые помещения и животноводческие постройки под одной крышей. В Карелии такие здания-усадыбы появились, видимо, в конце XVII в., прежде всего в смежной с Двинской землей восточной половине края»⁴². Не случайно во время путешествия 1838 года к сегозерским карелам Э. Леннрот избы нового типа называл русскими. Он писал, что в д. Масельга они жили «в настоящих русских избах с русской печью, дымоходом и припечным столбом, от которого шли к стенам широкие воронцы. Но встречались и карельские курные избы». Затем он описывал быт кильдинских лопарей, жилища которых углублены в землю и обложены дерном, очаг находится посередине, а бань у них нет вообще»⁴³. В. П. Орфинский делает вывод об общности форм домов-комплексов, «сложившихся к концу XIX века на всей территории расселения собственно карел, включая карельские ареалы в Олонецком и Тверском краях»⁴⁴.

Никаких достоверных сведений о карельских банях в первой половине второго тысячелетия нет. Но если судить по тому, какое влияние оказала русская архитектура жилища на карельскую, можно, в какой-то мере, говорить об аналогичном процессе и в банной архитектуре. В документах XV–XVII вв. уже имеется немало упоминаний о «мыльнях», «мовницах», «байнах»⁴⁵. Трудно определить, когда карелы начали строить бани, но, принимая во внимание их роль, универсальность и широко сохранившиеся дохристианские верования, можно говорить об их древности⁴⁶.

Карельская баня сначала ставилась рядом с избой в одном пространстве, огражденном изгородью. После объединения крестьянской усадьбы под единую крышу баня у карелов сместилась к озеру, что наблюдалось в XIX и XX веке⁴⁷.

Карельская приусадебная парная баня, как и русская, на протяжении столетий прошла долгий путь развития. На ранних этапах это была однокамерная землянка, затем полуземлянка, в которой пар и горячую воду получали, погружая раскаленные на костре камни в чан с водой.

⁴⁰ Там же. С. 66.

⁴¹ Там же. С. 81.

⁴² Там же. С. 63, 166–167.

⁴³ Путешествия Элиаса Леннрота. Путевые заметки, дневники, письма. 1828–1842. Петрозаводск, 1985. С. 258.

⁴⁴ Орфинский В. П., Гришина И. Е. Традиционный карельский дом. Петрозаводск, 2009. С. 242.

⁴⁵ Никольская Р. Ф. Материальная культура // Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 124.

⁴⁶ Точка зрения К. К. Логинова о происхождении бани у карелов см.: Логинов К. К. Из истории бани в Карелии // Традиционная культура. № 1. 2015. С. 133–141.

⁴⁷ Paulaharju S. Karjalainen sauna. Helsinki, 1982. 109 s.

Позже появились наземные постройки, топившиеся по-черному, и каменка с открытой топкой. Самые большие и быстрые изменения стали происходить с XX века. Постепенно к однокамерной бане пристроили небольшой предбанничек (в нем сначала не было двери), а на камни поставили чугунный котел. Первые белые бани с трубой и закрытой дверцей в печи стали появляться только с конца шестидесятых годов XX века; закрыли крышкой котел еще позже. На протяжении столетий баня освещалась лучиной *päre*, керосиновые лампы даже в избах карелов появились только в первой трети XX века.

В последние десятилетия XX века некоторые новые бани карелов становятся многокамерными, парилка отделяется от моечного отделения, появляется просторное третье помещение для отдыха, а иногда и небольшой бассейн. В то же время следует отметить, что в Финляндии с конца XX века возвращается старая традиция, еще не дошедшая до Карелии: некоторые хозяева ради экзотики начинают, наряду с электросауной в доме, ставить во дворе старинную баню по-черному.

Духовная банная культура карелов сохранила большую самобытность и архаику. Со временем, в том числе и под влиянием христианства, происходило снижение сакральности банных построек. После принятия православия существовал даже запрет мыться в бане, особенно после посещения церкви и перед этим⁴⁸. Вследствие того, что крещение карелов происходило позже, чем принятие христианства русскими, и с большими трудностями, баня на карельской территории оставалась сакральным местом гораздо дольше, а почитание банных духов карелами сохранялось вплоть до последних десятилетий XX-го века. Причем хозяева бани, согласно менталитету карелов, были скорее покровителями и помощниками человека, но и в то же время строгими хранителями пространственно-временных границ, в отличие, например, от мари, воспринимавших банного хозяина как исключительно злое и жестокое мифологическое существо.

Для того чтобы понять, как карелы традиционно представляли хорошую и плохую баню, можно привести пример из баллады «Приглашение в баню». В ней сначала девушку зовет отец, потом мать, но она не принимает их приглашения, так как:

Kylyn piha pimitsäinen,
Kylyn toroka kaijatsainen,
Kylyn kynnys korkejainen,
Kyly vesi vilumoinen,
Kyly löyly kipakkainen,
Kyly muila kartsakkainen,
Kylyn lauvot korkejaiset,
Kyly vasta raakatsainen.

Двор у бани темноватый,
Дорога к бане узковата,
Баннный порог высоковат,
Банная вода холодновата,
Баннный пар щиплет,
Банное мыло горчит,
Баннные полки высоки,
Баннный веник колюч.

---

⁴⁸ Макашина Т. С. Баня в вологодском свадебном обряде // Баня и печь в русской народной традиции. М., 2004. С. 231.

Но все меняется, когда Марынку-Дарьюшку в баню приглашает жених:

Kyllä lähen kylyseen:
Jo on päivä valkijainen,
Jo toroka leveä,
Kylyn kynnys matalainen,
Kylly vesi mieluhinen,
Jo on muila lipeäinen,
Jo on löyly makejainen,
Jo on lautsaset matalat,
Jo on vasta pehmeäinen⁴⁹.

Хорошо, пойду я в баньку,
День уже светел,
Дорога уже широка,
Банный порог низок,
Банная вода мила,
Мыльце уже мылится,
Пар уже сладок,
Полки уже низки,
Веник уже мягок.

---

⁴⁹ SKVRII: 299.

Архитектура и внутреннее убранство карельской бани

Для верного понимания роли и значения бани и банного культа в жизни карелов следует начать его рассмотрение с архитектуры карельского поселения. Исследователями-архитекторами (это в первую очередь В. П. Орфинский и И. Е. Гришина) неоднократно делался акцент на такой архитектурной особенности карелов, как «природосообразность». «Природосообразность – общая черта культуры ряда финно-угорских народов, которые сформировались как этносы в условиях Севера, где природа требовала от человека учета своих особенностей как необходимого условия выживаемости»⁵⁰. В соответствии с этим принципом происходит и выбор места строительства, и планировка всей деревни. Как отмечает В. П. Орфинский, регулярность как мера вписанности поселений в природу в условиях Карелии имеет этническую окраску. Поселения карел отличает от русских поселений стремление к большей свободе и, соответственно, к меньшей регулярности планировки и застройки⁵¹. Об этом пишут все, кто описывал в последние десятилетия XIX века карельскую деревню. Как свидетельствует отчет, присланный в Русское географическое общество, в шестидесятых годах XIX века в ребольском приходе «дома располагаются хаотично, на большом расстоянии друг от друга», между ними лесок, пожня или огород. Поэтому «небольшое селение из десяти домов раскинуто на полверсты и более». Русские осваивали пространство в соответствии с характерной для земледельческого славянского населения радиально-центричной моделью мироздания. У карелов преобладала финно-угорская модель «линейного пространства-пути», сформировавшаяся под влиянием охотничье-промысловой культуры. Поэтому им была свойственна периферийная модель мироздания⁵².

С развитием христианства архитектурной доминантой стала деревенская часовня (сельская церковь) – самое высокое сооружение, построенное на природной возвышенности (холм, горушка). Но изначально исходной точкой почти каждой карельской деревни являлась не часовня, а гораздо более древний культовый объект, игравший огромную практическую роль, – озеро или река. И в то же время водоем был не только отправной точкой, но и центром мироустройства карелов. Вокруг озера практически всегда концентрировалось целое гнездо деревень, а если это была река, то разные деревушки (или несколько частей одной) могли располагаться по обоим ее берегам. Гнездовой тип расселения древнее второго, также присущего карелам, разбросанно-хуторского. Он сложился на рубеже I и II тысячелетий н. э. и тесно связан с патронимией⁵³, которая вполне могла способствовать развитию банного культа, связанного с почитанием предков. Большинство карельских деревень в середине второго тысячелетия были малодворными, а многие состояли всего лишь из одного двора. Соответственно, и бань в таких деревнях не могло быть много. «Так, например, в конце XV в. на 772 деревни, входивших в четыре погоста Заонежья, где проживали, как карелы, так и русские, приходилось 954 двора, что в среднем составляло 1,25 двора на деревню»⁵⁴. Постепенно шло укрупнение деревень, но количество бань в них, судя по собранным материалам, росло медленно. Объяснить это можно тем, что эта постройка, в которой не только мылись, но и проводились различные обряды жизненного цикла, могла принадлежать всему родовому коллективу. С XVI–

⁵⁰ Орфинский В. П., Гришина И. Е. Традиционный карельский дом. Петрозаводск, 2009. С. 107–108.

⁵¹ Орфинский В. П. Вековой спор: Типы планировки как этнический признак (на примере поселений Русского Севера // Советская этнография. 1989. № 2. С. 57–58.

⁵² Орфинский В. П., Гришина И. Е. Сямозерские деревни // История и культура Ся-мозерья. Петрозаводск, 2008. С. 355.

⁵³ Битов М. В. Гнездовой тип расселения на Русском Севере и его происхождение // Советская этнография. 1955. № 2. С. 27–40; Битов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVII. М., 1974. С. 164–165.

⁵⁴ Никольская Р. Ф. Материальная культура // Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 116.

XVII веков у карелов появляются беспорядочные и прибрежно-рядовые формы деревень, в планировке которых «карелы больше, чем русские, учитывали природные факторы, а беспорядочность и рационализм в формах поселений можно выделить как особенность карельского деревянного зодчества»⁵⁵.

Мифоритуальное почитание природных стихий накладывало отпечаток на всю жизнь и быт карела. Вода (в записях М. Агриколы, известного финского просветителя и епископа первой половины XVI века, сумевшего первым зафиксировать сведения о древних карельских божествах, это *Vedhen Emä* – Мать Воды; в заговорах часто встречается *vezi-syöttäine* – вода-кормилица; у жителей Сямозерья это *vezi-ved'oi* – вода-водяница), как и земля (*moaemä* – мать-земля, *moaemä-syöttäine* – мать-земля-кормилица), – наиболее архаичные объекты и субъекты поклонения. Вода, согласно древней карельской мифологии, считалась центром зарождения всей жизни на земле, да и самой Земли и Вселенной. Демииург Вяйнямйёнен плавает «сосновой чуркой» по воде, на его колене утка сносит яйцо, из которого он (по мифу, находясь в воде) «творит» землю, небо и все солярные объекты. Карельская деревня начиналась у воды (озера и реки в древности являлись единственными путями сообщения) и уходила к лесу, олицетворявшему чужое, опасное для человека пространство.

В XIX и XX веках бани (а также амбары для хранения рыбы и рыболовецких снастей *kalaaitat* и *nuottikodat*) в подавляющем большинстве случаев стояли перед лицом дома, прямо на берегу водоема – природного почитаемого объекта, гораздо менее опасного для карела, чем лес. Как пишут В. П. Орфинский и И. Е. Гришина, в карельских поселениях возле водоемов формировались особые банные зоны, так называемые «банные городки»⁵⁶. Гораздо реже, только если рядом не было водоема, бани ставились у колодца⁵⁷. Риги стояли на окраине деревни. Только иногда в XIX веке амбары строились вблизи дома, а риги и бани – позади двора, вдали от жилых строений, не ближе тридцати сажен⁵⁸. Но сначала, как писал С. Паулахарью в 1907 году, баня ставилась совсем рядом с домом, метрах в двадцати, практически примыкая, чаще всего к углу хлева. При строительстве новых домов бани начали ставить подальше, на расстоянии до ста метров⁵⁹.

Кладбища устраивались в некотором отдалении, ближе к лесу, за жилой застройкой, часто к северу от нее или даже на острове. Тем самым моделировалось архаичное представление о мире, разделенном на полуденное царство живых и полуночное царство мертвых, которые одновременно и противопоставлены, и неразрывно связаны друг с другом. Кладбище, с одной стороны, – локус, чуждый живым, но, с другой, концентрирует в себе главных покровителей карела – первопредков *syndyzet* и *spoassaizet*.

Баня занимала пограничное место между мирами человека и природы во многих культурах, в том числе и севернорусской, что и обуславливало проведение в ней многочисленных обрядов переходного характера и ритуальных акций, во время которых происходил контакт человека с духами-хозяевами различных стихий⁶⁰. Это можно сказать и относительно карельской бани. Культ бани был тесно связан и с культом воды и земли, и с культом первопредков, и с культом огня и растительности.

У русских, например, на Вологодчине, бани тоже располагались или у воды, или на огороде рядом с колодцем и гораздо реже – на заднем плане, вдали от воды⁶¹.

⁵⁵ Там же. С. 117.

⁵⁶ Орфинский В. П., Гришина И. Е. Традиционный карельский дом. Петрозаводск, 2009. С. 127.

⁵⁷ Karjalan kielen sanakirja (далее: KK8). Osa 2. Helsinki, 1974. S. 520.

⁵⁸ Покровский П. Карел, его быт и занятия // ОГВ. 1873. № 6. С. 65–66.

⁵⁹ Paulaharju S. Matkakuvia Karjalan kankailta 1907. Helsinki, 1981. S. 48–49, 68.

⁶⁰ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 48.

⁶¹ Баня и печь в русской народной традиции / Отв. ред. В. А. Липинская. М., 2004. С. 53.

Как считала Р. Ф. Никольская, «в пользу древности такого вида постройки, как баня, свидетельствует... и то, что ее считали священным местом»⁶². На это указывает множество факторов. Баню следовало топить только засветло, до захода солнца. Это запрещено было делать в воскресенье и в праздники. Строго был регламентирован процесс мытья в бане. В ней нельзя было делать никакую грязную работу, даже стирать белье. В то же время именно в банном локусе проводили множество ритуалов. Человек находился здесь в самые переломные, лиминальные периоды своей жизни. Здесь проходил родильный обряд.

Во время свадьбы топили сначала невестину и женихову баню, а потом баню для новобрачных. Во время поминальных обрядов сюда приглашали помыться умерших предков. Ее топили перед началом крупных дел с целью не только физического, но и духовного очищения: перед тем как идти на охоту, перед весенним выпуском скота. В бане следовало помыться и очиститься от всех грязных помыслов перед дальней дорогой. В бане и перед тем, как идти туда мыться, просили прощения, если совершили какой-то греховный поступок, даже если просто подумали о ком-то плохо. Она являлась местом лечения множества недугов. Баня была населена духами-хозяевами, которым поклонялись и почитали. Более того, «культ хозяев бани» был «одной из форм культа предков»⁶³. Не случайно, придя из бани, всегда рекомендовалось ополоснуть руки и лицо водой из умывальника. Так же поступали и по возвращении с кладбища: умывались и прикладывали руку к печи, чтобы устранить все возможные болезни (это в первую очередь могильное зло *kalman viha* и нос могилы *kalman nenä*), которые могли «пристать» *tarttuu* к человеку, если он чем-то прогневал умерших предков.

Согласно Н. Харузину, развитие построек финских племен шло от шалаша *kota* и землянки *moakuoppa* к наземному сруб. Баня считается самой примитивной постройкой, она – прообраз древнего жилища. Найденные археологами в Карелии остатки жилищ XII века имеют много общего с современными банными постройками⁶⁴. Именно от нее исследователи ведут историю развития карельского дома, да и всей крестьянской усадьбы карела, которая включает в себя дом, хлев, амбар, баню и ригу. Исходной формой жилища у финно-угорских народов Севера являлся четырехугольный «первобытный сруб, обращенный в баню»⁶⁵. В финской провинции Хяме еще в XVIII веке баня и дом были единым пространством⁶⁶. Благодаря экстенсивной подсечно-огневой форме земледелия шло быстрое освоение огромных таежных пространств, и на стадии перехода к оседлому образу жизни в качестве временного жилища карелами стала использоваться «срубная постройка с простейшим очагом-каменкой»⁶⁷. Для ее возведения требовалось немного и времени, и сил, и материала. Такие промысловые избышки (они так и назывались *kalasauna* рыбацкая баня или *meccikyly* лесная баня) карельские рыбаки и охотники строили вплоть до второй половины XX века.

Восточным славянам двухкамерное жилище было известно уже с X века, но «в крестьянских постройках Карелии сени появились не ранее XVI–XVII вв.»⁶⁸. Как пишет Р. Ф. Никольская, у карелов в XVI веке существовали избы-«хоромы», крестьянские усадьбы, где «во дворе хором: изба и с сеньми, и с клетью, и с подклетом, да сенник на двух подклетах, да мыльня»⁶⁹.

⁶² Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца 19 – начала 20 века / Сост. Р. Ф. Никольская, А. П. Косменко. Л., 1981. С. 81.

⁶³ Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю. Баня в семейном быту карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 83.

⁶⁴ Кочуркина С. И. Карела и Русь. Л., 1986. С. 38.

⁶⁵ Харузин Н. Н. Очерки развития жилища у финнов // Этнографическое обозрение. М., 1895. С. 45.

⁶⁶ Turunen A. Kalevalan sanat ja niiden taustat. Helsinki, 1981. S. 298.

⁶⁷ Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю. Баня в семейном быту карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 68.

⁶⁸ Орфинский В. П., Гришина И. Е. Традиционный карельский дом. Петрозаводск, 2009. С. 310.

⁶⁹ Никольская Р. Ф. Материальная культура // Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 118.

Самой примитивной постройкой у карелов считается однокамерная **баня-землянка** с односкатной крышей⁷⁰. Половина сруба (всего было восемь-десять венцов) была врыта в землю, на уровне земли было маленькое окошечко. В такой землянке был утоптаный земляной пол (его во время мытья покрывали соломой) и часто только печь, без полок и лавок.

Обширный материал о карельской бане собрал финский исследователь Самули Паулахарью. В течение 1907–1908 годов он объездил финляндскую Северную и Южную Карелию (*Pohjois- ja Itä-Karjala*), фиксировал рассказы и делал подробные зарисовки, начиная от самых древних банных построек⁷¹. В своей книге он также использовал материалы из Беломорской и юго-западной Карелии, хранящиеся в Фольклорном архиве Финского литературного общества. Основное внимание ученый уделил архитектуре и внутреннему убранству карельской бани. Р. Ф. Никольская указывала, что самой примитивной банной постройкой конца XIX – начала XX века у карелов была баня-землянка⁷². Хотя, безусловно, в это время карелами ставились уже и гораздо более комфортабельные бани. С. Паулахарью пишет о том же: карелы старинные банные сооружения, сохранившиеся и используемые еще в начале XX века, называли *toakuoppasauna* (углубленная в землю баня, баня-землянка). «Sillä kylpemättä ei karjalainen voi olla, ei senkään vertaa kuin minä suomalainen» – «Без паренья в такой бане карел не может жить, совсем не так, как другие финны». Когда-то таким было и жилище, и хлев, и кузня⁷³. Такая банька была совсем маленькой и невысокой: если человек стоял посередине пола, руки доставали до стен⁷⁴.

Описывая севернокарельскую баньку, углубленную в землю, С. Паулахарью указывает, что в нее вела дверь высотой не больше метра, шириной около шестидесяти сантиметров. В ширину, длину и высоту баня была не больше двух метров. Стены земляные, только в передней стене сверху, над дверью, было положено три-четыре бревна, на трех остальных – по бревну. Сверху баня была засыпана землей, отчего «летом превращалась в зеленую лужайку». Каменка всегда была в углу рядом с дверью, чаще всего справа от нее. Она имела внушительные размеры – метр в длину, метр в ширину и семьдесят сантиметров в высоту. Каменка сложена из больших плоских камней *linttikivistä* без использования глины. Сверху обычно укладывались белые круглые камни помельче. Считалось, что с них лучше и быстрее стекает вода, и пар получается горячее и «вкуснее» *magei, makea*. Нижние камни обычно укладывались лежа друг на друга. Начиная с середины каменки, когда заканчивали делать устье печи и над ним укладывали один из самых крупных плоских камней, камни начинали укладывать стоя, заостренным концом кверху. Так каменка приобретала аккуратную полукруглую форму. Правильный подбор камней для каменки был очень важен. Чаще всего рекомендовались именно белые камни *valgei kivi*, так как черные и серые камни испускали угар. Самыми крепкими считались синеватые камни, которые не раскалываются от перемежающегося воздействия огня и воды. Между печью и задней стеной располагались полки на четырех столбах, врытых в землю. Они были двухуровневыми, первые стояли на высоте полуметра от земли, вторые – восьмидесяти пяти сантиметров. Маленьким окошком для выхода дыма служило отверстие в двери. В такой бане, пишет С. Паулахарью, прекрасный горячий пар. Именно такой тип бани был сначала и первым жилищем⁷⁵.

Есть подобные описания земляных бань, существовавших еще в начале X века. Например, арабский путешественник Ибн-Руст увидел на Руси особые строения для паренья, углуб-

⁷⁰ Тароева Р. Ф. Материальная культура карел. М.-Л., 1965. С. 114–115.

⁷¹ Paulaharju S. Karjalainen sauna. Helsinki, 1982. 109 s.

⁷² Тароева (Никольская) Р. Ф. Материальная культура карел. М.-Л., 1965. С. 115.

⁷³ Paulaharju S. Karjalainen sauna. Helsinki, 1982. S. 9.

⁷⁴ Inha I. K. Kalevalan laulumailta. Helsinki, 1999. S. 369.

⁷⁵ Paulaharju S. Karjalainen sauna. Helsinki, 1982. s. 34–35.

ленные в землю. Он писал: «В их стране холод до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погреба, к которой приделывает деревянную остроконечную крышу наподобие христианской церкви, а на крышу накладывает землю. В такие погреба они переселяются всем семейством, взяв дров и камней, разжигают огонь и раскаляют камни на огне докрасна. Когда же камни раскаляются до высшей степени, их обливают водой, отчего распространяется пар, нагревая жильё до того, что снимают даже одежду»⁷⁶.

По данным археологов, до XIII века у восточных славян все дома были углублены в землю. Углубленные в землю бани сохранились до второй половины XIX века, это «реликт наиболее древнего славянского жилища»⁷⁷.

Следующим типом карельской бани являлась **курная баня**, или баня по-черному, уже возведенная из бревен над землей

Со второй половины XIX века в Карелии получила распространение двухкамерная баня с маленьким предбанничком, *kylysincco, sencoine* (букв.: банные сени). Сначала это мог быть просто небольшой навес перед входом. Такая банная конструкция с навесом сохранялась в Средней Карелии вплоть до середины XX века⁷⁸. У русских, как пишет А. А. Желтов, предбанник появился только в XX веке, до этого раздевались на улице⁷⁹. Как указывает В. П. Орфинский, «в Карелии однокамерные бани без предбанников преобладали на севере, а двухкамерные, с предбанниками, – на юге республики»⁸⁰. Такое несоответствие структуры построек природно-климатическим условиям края он объясняет «заторможенностью развития крестьянских построек на севере»⁸¹. Архитектор пишет, что еще в конце шестидесятых годов XX века на севере края (например, в д. Кизрека Лоухского района) сохранялись «примитивные четырехстенные бани без предбанников, перекрытые плоской земляной крышей по сплошному бревенчатому накату. Раздевались в них снаружи и через низкую дверь попадали в мыльное помещение»⁸². При этом «в юго-западной Карелии новые бани в большинстве случаев имеют дощатые предбанники, характерные для переходного периода от однокамерных к двухкамерным, в то время как в относительно старых постройках преобладают срубные предбанники, в том числе в составе срубов-пятистенков. Более того, в поздних дощатых предбанниках прослеживается большая архаизация, чем в относительно ранних: в банях после 1960-х гг. такие предбанники выполнялись, как правило, целиком каркасно-обшивными, а в более ранних постройках в большинстве случаев имели основание из выпусков бревен боковых стен помещения»⁸³.

В предбанничке была небольшая лавка, на которой оставляли одежду. Ее могли вешать и на гвозди, вбитые в стены *vuarnat*. Иногда даже в первой трети двадцатого века в предбаннике не было двери, зимой его заносило снегом, но раздевались, несмотря на холод, здесь.

Курная баня у карелов строилась прямо на земле, иногда для опоры под углы укладывали четыре камня, которые северные карелы так и называли *nurkkakivet* угловые камни. Иногда для утепления пазы между бревнами заделывали мхом, в двадцатом веке это делалось обязательно. Высота бань могла быть различной, от двух до трех с половиной метров, внутри – от полутора до двух с половиной метров. Основное место в бане, прямо у двери, слева или (чаще)

⁷⁶ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси 6–9 вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. с. 388–389.

⁷⁷ Липинская В. А. Баня и печь в русской народной медицине // Баня и печь в русской народной традиции. М., 2004. С. 164–165.

⁷⁸ Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972. С. 48.

⁷⁹ Желтов А. А. Бани и банные праздники северной и центральной России // Баня и печь в русской народной традиции. М., 2004. С. 14.

⁸⁰ Орфинский В. П., Гришина И. Е. Традиционный карельский дом. Петрозаводск, 2009. С. 310.

⁸¹ Там же. С. 310.

⁸² Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972. С. 47.

⁸³ Орфинский В. П., Гришина И. Е. Традиционный карельский дом. Петрозаводск, 2009. С. 310.

справа, занимала печь-каменка, сложенная из валунов или природных булыжников различного размера, но определенного качества. Устье каменки (или топливник-ниша⁸⁴) было обращено к боковой стене⁸⁵. Ее раскаленные верхние камни (или чаще разогретые в топке) использовали для нагрева воды: их специальными большими (бучильными) клещами или банной лопатой опускали в деревянную кадку с холодной водой, а затем снова укладывали на каменку. Когда эти камни, служащие для нагрева воды, впервые укладывали в (на) построенную каменку, на них делали крест концом обожженной лучины⁸⁶. Процесс нагрева воды камнями у карелов был широко распространен. Э. Леннрот описывал, что в тридцатые годы XIX века карелы в избе в печь клали камни, которыми потом нагревали пойло для коров. Посетив карелов, проживавших на берегах Свири, финский исследователь писал: «Во всем крае я нигде не видел железных котлов. Пищу готовят в глиняных горшках, которые ставятся в печь. Остальное готовится следующим образом: нагретые в очаге камни опускают в посуду с водой и держат там до тех пор, пока вода не закипит»⁸⁷.

Чугунный котел *kylykattil*, установленный посреди каменки и вмурованный в нее, появился достаточно поздно, только в XX веке, в банях с предбанником. Топились бани по черному повсеместно тоже вплоть до середины XX века. Первые белые бани начинают появляться с конца шестидесятых-начала семидесятых годов. В Сегозерье, да и в других районах Карелии, курные бани встречались и до 80-х годов. Считалось, что в них «пар легче и воздух сухой»⁸⁸. Для выхода дыма в потолке или в стене прямо под потолком делалось отверстие (волоковое окошко) *kylynreppänä*, закрывавшееся деревянной заслонкой. Процесс приготовления бани занимал достаточно продолжительное время, до трех-пяти часов. Баню сначала топили, открыв двери и окошко. Затем проветривали, обмывали стены или опахивали их мокрым веником, все закрывали и баню час-полтора настаивали. Только потом шли мыться.

Пространство от каменки до задней стенки занимал полук, поднимались на него по двум-трем ступенькам. Как писал в тридцатых годах XIX века Э. Леннрот, в Лоухском районе у карелов «в бане полук намного ниже, чем в финских банях, на полтора-два локтя⁸⁹ от земли»⁹⁰. Лавки располагались напротив печи и полков, иногда они были сделаны и вдоль задней стены, напротив очень низенькой двери. Потолок был сделан из цельных или половинчатых бревен или из толстых плах (это боковые части бревен) с земляной насыпкой. Банные полки *kylynlautaiset* в старину стояли на четырех высоких круглых чурбанах, а лавки *kylynlaučat* – на двух низких⁹¹. Пол *kylynlate* сначала был земляной, позже – дощатый, сделанный или с уклоном, или из досок, которые для стока воды неплотно прилегали друг к другу. Настлан пол был по лагам, лежащим прямо на грунте⁹². Иногда в одном углу пола было сделано отверстие, в которое стекала вода. Согласно другим сведениям, северные карелы считали, что пол надо настелить плотно, чтобы в бане было тепло; а вот доски в стенах могут быть пригнаны слабее *hatarat*, чтобы происходил воздухообмен⁹³. В некоторых банях были сделаны под потол-

⁸⁴ Логинов К. К. Домашний повседневный быт // Деревня Юккогуба и ее округа. Сост. И. Е. Гришина и др. Петрозаводск, 2001. С. 182.

⁸⁵ Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972. С. 48.

⁸⁶ SKS 74/2598.

⁸⁷ Путешествия Элиаса Леннрота. Путевые заметки, дневники, письма. 1828–1842. Петрозаводск, 1985. С. 141, 306.

⁸⁸ Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел / Сост. Р. Ф. Никольская, А. П. Косменко. Петрозаводск, 1981. С. 81.

⁸⁹ Локоть – древняя мера длины, равная 62 сантиметрам.

⁹⁰ Путешествия Элиаса Леннрота. Путевые заметки, дневники, письма. 1828–1842. Петрозаводск, 1985. С. 187.

⁹¹ KKS. Osa 2. Helsinki, 1974. S. 520.

⁹² Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972. С. 48.

⁹³ Устное сообщение А. П. Конкка о рассказах деда.

ком специальные полки или протянуты только жерди *orret*, которые располагались от стены к каменке или от двери к противоположной стене.

Конструкция покрытия бани эволюционировала от плоской крыши, засыпанной землей, к односкатной, а от нее – к двускатной. Покрытие сначала было «совмещенным. Затем над мыльным помещением стал устраиваться утепленный потолок сначала из бревенчатого наката, а позднее – из пластин»⁹⁴.

П. Виртаранта, объездив в 1957-58 годах деревни тверских карелов, описывает баню следующим образом. Она топится по-черному, имеет маленький предбанничек с небольшой лавкой. В самой бане два маленьких окошечка: одно на боковой, второе – на передней стене. Щели в стенах замазаны глиной (здесь следует отметить, что у северных и южных карелов в бане было только одно окошко на боковой стене, а стены были проконопачены мхом и никогда не замазывались глиной – И.Л.). В потолке, реже в стене – волоковое окошко. Каменка сделана из серых камней, которые, в отличие от красных и зеленых, не раскалываются. Сверху – особые круглые серые камни, найденные на полях, которые так и назывались *lölykivet* (камни для пара)⁹⁵.

Собирать камни для банной печи рекомендовалось с утра. Нельзя было брать мокрый камень, на котором лежит роса *hikikivi*.

Для строительства каменки в Ругозере и в других местах рекомендовалось использовать речные камни. Утилитарное объяснение состояло в том, что они дольше не крошатся⁹⁶. Но, возможно, существовало и более архаичное объяснение: культ огня и духов-хозяев бани, основным местом пребывания которых была каменка, соединялись с культом праматери воды. Укладывая в каменку водный камень, человек как бы обращался за покровительством к мудрой матери-хозяйке воды *Vedhen emä*, прося смирить обжигающий пыл огня. Вспомним, как начинают трещать раскаленные камни и брызгаться вода, когда ее льют на горячую банную каменку. Согласно древнему мифологическому мировоззрению карелы считали, что камень, лежащий в воде или на берегу, является эманацией самого духа-хозяина воды. Например, чтобы обезопасить себя во время купания или переправы лошадей через реку, заходя в воду, карелы брали камень из воды, бросали его на берег и произносили: «*Veinižändy – moal, ristikanzu – vedeh!*» – «Хозяин воды – на землю, человек (крещеный) – в воду!» А выходя из озера, тот же самый камень снова бросали в воду, произнося обратную вербальную формулу: «*Veinižändy – vedeh, ristikanzu – moal!*» – «Хозяин воды – в воду, человек (крещеный) – на землю!»

О постоянной связи и соперничестве божества огня и воды рассказывается в мордовском мифе о рождении ребенка (а у карелов в старину именно баня была основным местом появления на свет детей). Богиня огня Толава пригласила в гости Ведяву, божество воды. Но во время пира каждая из них хвалила себя и хулила другую. В результате божество огня зашипело, запылало, а Ведява стала брызгаться. Испугавшись Ведяву, Толава спряталась за камень. Она поет и танцует в отсутствие Ведявы, но помнит ее строгий наказ: не жечь бедных и не доводить их до слез⁹⁷.

С каменкой связан и ряд запретов. Например, в Сямозерье запрещали сжигать в банной печи щепки, оставшиеся после того, как заострили колья для любых хозяйственных нужд⁹⁸. Карелы-людики говорили, что в печь нельзя класть черно-синие (сланцевые) камни *hikikivi*: «*se kivi on vedenitkija*» – «этот камень водой плачет». Считалось, что такие камни испускают горький пар и делают баню угарной⁹⁹. Карелы также полагали, что, если недоброжелательный

⁹⁴ Там же. С. 48.

⁹⁵ Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo-Helsinki, 1961. S. 73.

⁹⁶ KKS. Osa 2. Helsinki, 1974. S. 521.

⁹⁷ Девяткина Т. П. Мифология мордвы. Саранск, 2006. С. 264.

⁹⁸ KKS. Osa 2. Helsinki, 1974. S. 521.

⁹⁹ Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa 2. Helsinki, 1963. S. 401.

человек отнесет плохой камень в чужую баню, в той бане будет горький пар до тех пор, пока не сделают новую каменку из новых камней¹⁰⁰.

Грели воду в специальном банном корыте, сделанном из цельного куска дерева. Оно чаще всего стояло у левой боковой стены на двух колодах или скамье. Иногда это корыто было разделено на две части, для холодной и горячей воды. Когда все дрова сторали до углей, в устье каменки укладывали специальные камни. Они раскалялись, их кочергой вытаскивали из печи, брали специальными большими щипцами и опускали в холодную воду. Тверские карелы при этом произносили:

Kivyt pellostä, vedyt meressä!
Älkää toratkoo, olkaa hyvästi!
Puuastijaa älkää rikkoko!

Камушек с поля, водица из моря!
Не деритесь, будьте по-хорошему!
Деревянную утварь не портите!¹⁰¹

Утилитарная функция заговора была одна: чтобы раскаленные камни не прожгли дно корыта. Но с мифологической точки зрения эта вербальная формула наглядно демонстрирует народные представления о том, что в бане должны мирно уживаться все стихии, часто враждующие между собой: земляная, водная, огненная и воздушная.

Банная утварь вся была деревянной и зачастую выдолбленной из цельного куска дерева. Деревянные ведра могли быть с одной деревянной ручкой сбоку, позже – с металлической, продеваемой в оба ведерных ушка. Банной утварью, как и банным веником, нельзя было пользоваться в доме. Она принадлежала только сакрализованному пространству бани и тем самым сакрализовывалась сама. Это подчеркивается и в языковом плане: все многочисленные названия утвари начинаются со слова «баня, банный» *kyly*. Кочерга называлась *kylykoukku*. Специальной банной лопатой *kylylabjaine* доставали из печи раскаленные камни и опускали их в воду для ее нагрева. Емкости, в которых мылись, южные карелы называли *kylykalju*, *kylymal'l'u*. В Рыпушкалице емкость для воды без ушек называли *kylyleska*. Русским заимствованием является название банной шайки *kylysaikku*. Банный ковш в Суйстамо – *kylykappame*, у других ливвиков и северных карелов – *kylyliuhu*, а чаще всего – *kylykauhu*. Иногда его делали из капа, нароста на стволе дерева, выскабливая его внутри. Ковш, которым бросали воду на каменку, мог быть с длинной ручкой. Банное корыто *kylykartta* представляло собой емкость, выдолбленную из цельного куска дерева и разделенную на две части для холодной и горячей воды. *Kylyallas* – так тунгудские карелы называли выдолбленную из цельного куска дерева емкость для холодной воды в бане, в которую помещалось несколько ушатов *kylykorvo* воды. Банный котел *kylykattil* был рассчитан на ушат или пол-ушата воды. Позже долбленной утвари появились банные бочки *kylyruičči*. Чугунный котел *kylypata*, заменивший деревянный, стоял сбоку от каменки на полу, в нем грели воду камнями. Он сужался кверху, чтобы дольше сохранялось тепло. *Kylykippaine* – так в Суйстамо называли маленькое банное ведро. Воду для мытья карелы часто наливали в деревянные ведра *kylyrengi*¹⁰².

Металлические ведра у карелов появились в первой половине XX века, при этом деревянные шайки или лоханки продолжали сохраняться еще дольше. Металлические ведра

¹⁰⁰ Lykyn avain. 999 vanhaa taikkaa ja uskomusta / Toim. J. Nirkko. Helsinki, 1991. S. 88.

¹⁰¹ Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo-Helsinki, 1961. S. 73, 79–80.

¹⁰² KKS. Osa 2. Helsinki, 1974. S. 520–522.

kylyrengit, как и тазы *kylytoazat*, очень долго, вплоть до сороковых годов XX века, были признаком зажиточности. Карелы рассказывали: «*Kylytoazu on korvienkel, vaskine kui juodu, rappiloiz on kylus toazad, meil pidäy rengizes pestäkseh*» – «Банный таз с ушками, медный, как миска; у попов в бане тазы, а нам приходится в ведерках мыться»¹⁰³.

Освещалась баня с конца первой половины XX века керосиновыми лампами и фонарями, а до этого – березовыми лучинами *päre* и коптилками. Лучина на специальной высокой металлической подставке стояла между каменкой и банными полками для паренья, угольки от нее падали в деревянную лоханку с водой.

Процесс строительства бани у карелов также сопровождался различными ритуальными оберегами. Считалось, что баню нельзя строить в том месте, где течет водяная жила *vezisuoni on, vezi juoksua*: иначе дух-хозяин не сможет обжиться-«остановиться» в бане *haltia ei azetu*¹⁰⁴. Этим еще раз подчеркивается взаимосвязь духов-хозяев бани и воды: вода будет постоянно течь, как бы прогоняя, унося с собой и банных хозяев.

Есть сведения, что карелы-людики заготавливали бревна для бани в лесу между двух озер¹⁰⁵. Чаще всего это была сосна: «*Männystä kaikki kylyt ollaa*» – «Из сосны все бани»¹⁰⁶. Как пишет С. Паулахарью, хозяева-строители уже с самого первого этапа строительства соблюдали как физическую, так и духовную чистоту. Старались, чтобы в это время в дом и к месту, на котором начинали ставить баню, не приходили люди со злым нравом, с дурными мыслями, чтобы у входящих не было кожных болезней, например, чесотки. Часто в качестве оберега во время строительства использовали мышьяк *markkuli*. Его клали под первый венец, когда начинали строительство, затем бросали щепотку на готовую печь и сверху в дверные петли, а также прятали в маленькие щели в стенах. Оберегом служила и ртуть *elävänhobjä*. Ее прятали в основании печи в какой-нибудь посудинке или в птичьем пере, заделав это так глубоко, чтобы оно не сгорело от жара. Иногда ртуть клали в дверь *ukshavon päähän* или заделывали в порог, заткнув отверстие сучком. Иногда в потолок над каменкой клали металлический шлак *rauvankuonoo*, в щели на стенах заделывали ароматическую смолу или ладан. В районе Иломантси под каменкой закапывали лошадиный череп. Все это делалось с целью обезопасить всех, кто будет париться в бане, от различных напастей и болезней. Для того чтобы в бане не было угара и пар был хороший, на только что сложенную каменку сразу же мочился маленький мальчик так, чтобы струя «описала коромысло» *kusetettih korennon* поверх печи¹⁰⁷.

По другим сведениям, когда первый раз топили построенную баню, угли в каменке поправляли палкой, которой убили змею обязательно до первого кукования кукушки. Считалось, тогда в бане не будет копоты¹⁰⁸.

Иногда во время начала строительства бани под нижнее бревно в трех местах клали деготь *tervü*, «чтобы баня была чистой»¹⁰⁹. Обеззараживающие и дезинфицирующие свойства березового дегтя признаны и современной медициной.

Когда первый раз шли мыться в построенную баню, облизывали запотевшую дверную щель и затем сплевывали через левое плечо назад¹¹⁰. Обязательно приносили подарок банному духам. В первую очередь это было березовое полено¹¹¹. Данный обычай еще раз подчеркивает,

¹⁰³ KKS. Osa 2. Helsinki, 1974. S.522.

¹⁰⁴ SKS 73/1474.

¹⁰⁵ Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa 2. Helsinki, 1963. S. 399.

¹⁰⁶ HA 34/261.

¹⁰⁷ Paulaharju S. Karjalainen sauna. Helsinki, 1982. S. 107.

¹⁰⁸ Lykyn avain. 999 vanhaa taikkaa ja uskomusta / Toim. J. Nirkko. Helsinki, 1991. S. 88.

¹⁰⁹ Lykyn avain. 999 vanhaa taikkaa ja uskomusta / Toim. J. Nirkko. Helsinki, 1991. S. 88.

¹¹⁰ Lykyn avain. 999 vanhaa taikkaa ja uskomusta / Toim. J. Nirkko. Helsinki, 1991. S. 88.

¹¹¹ Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo-Helsinki, 1961. S. 76.

что баня являлась прообразом древнего жилища. Старые карелы и сегодня в новый дом приходят с березовым поленом и квашней.

Интересный материал о бане по-черному был записан нами во время фольклорно-этнографической экспедиции на территорию пряжинских и святозерских людиков в июне 2015 года. Местные старожилы рассказали, что еще в первой половине XX века большинство бань стояло прямо в озере, на камнях. В одних случаях это были четыре больших камня – по одному под каждым углом бани. В других под каждым углом стояло по три камня поменьше, они устанавливались друг на друга. Иногда одна стена бани полностью стояла на огромном валуне, а вторая – на сваях в воде или на берегу. Прямо под полом плескалась вода. В баню попадали по специальным мосткам *telat*, сделанным из широких плах. У северных карелов, например, в д. Венехъярви такие бани тоже были еще в конце XIX века. На одной из старых фотографий видно, что передняя стена бани стоит на берегу, а задняя – на двух камнях прямо в озере¹¹². В XXI веке рассказчики объясняли причину строительства бани прямо в озере тем, что очень близко было приносить воду и удобно купаться и ополаскиваться, спускаясь или прыгая прямо с камней в воду. С мифологической точки зрения тем самым могла подчеркиваться тесная связь хозяев бани и духов предков, находящихся в этом локусе, с хозяевами воды. Есть сведения, зафиксированные в Сямозерье, что в старину, если баня хотя бы одним концом стояла в воде, во время начала ее строительства следовало попросить разрешения построить баню не только у хозяев земли, но и у хозяев воды. И тем, и другим в благодарность приносили жертвоприношения, небольшие дары: зерно, красные тряпицы, немного вина, монетки. Согласно сведениям К. К. Логинова, если баня ставилась в озере на столбах, то на восходе солнца хозяин в пояс кланялся на все четыре стороны и обращался к воде и ее хозяевам¹¹³. «Далее могла следовать специальная просьба к водяному, чтобы он не посылал льдины на берег, которыми весной могло бы разрушить строение. В этом случае в воду могли бросить нечетное число медных монет»¹¹⁴.

В послевоенное время бани начали все чаще строить на земле, а не в воде. Объяснялось это требованиями санитарно-эпидемиологических станций, чьи нормы постепенно ужесточались, и если еще в семидесятые годы приусадебные бани разрешалось ставить буквально в нескольких метрах от воды, сейчас это расстояние увеличено до нескольких десятков метров.

Печь и полки для паренья в банях, стоявших на воде, находились, по одним сведениям, слева от двери, по другим – справа. На противоположной стене напротив печи было небольшое окошко, а напротив полка вдоль стены располагались лавки. Дверь предбанника и окошко в бане часто выходили на запад и на берег, а не на озеро.

Согласно собранным нами сведениям южные карелы, людики и ливвики, строили баню, как и избу, из сосны. При этом выбиралась не мяндовая, а рудовая сосна. Она была легкая, с большой сердцевиной и маленьким количеством заболони. Деревья выбирали поздней осенью, когда уже подмораживало, по звуку, который раздавался от удара по стволу специальной березовой колотушкой. Их валили, срубали сучья и, по рассказам отдельных информантов, на зиму оставляли в воде. Весной эти бревна вылавливали. Их древесина становилась очень плотной, прочной и, самое главное, была плохо подвержена горению. Она только тлела, что было особенно актуально для банной постройки, в которой температурные значения были очень высокими. Пол и потолок в таких банях были сделаны из сосновых плах. Каменка была полукруглой формы, состояла из больших камней. Они должны были быть темными, синеватыми, тяжелыми, чтобы не рассыпались от жара в песок. Их часто доставали из воды. Сверху для получе-

¹¹² Путешествия Элиаса Леннрота. Путевые заметки, дневники, письма. 1828–1842. Петрозаводск, 1985. С. 154.

¹¹³ Логинов К.К. Материальная культура и производственно-бытовая магия // История и культура Сямозерья / Под. ред. В. П. Орфинского и др. Петрозаводск, 2008. С. 223–224.

¹¹⁴ Логинов К. К. Материалы по традиционным обрядам и представлениям населения Карелии, связанным с баней // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Петрозаводск, 2009. С. 302.

ния хорошего пара клали серые и белые камни. Долго сохранялась открытая топка в каменке, дверца в ней появилась в середине XX века. Чугунный котел стоял в середине каменки, иногда он был прикреплен и к потолку.

В старину у карелов далеко не в каждой крестьянской усадьбе была баня. Например, уже в XX веке в одной из сямозерских деревень на двадцать пять изб было только пять бань: «Vuatsiz on 25 taloidu, 5 kulyö»¹¹⁵. При этом надо учитывать, что в каждом доме жили чаще всего как минимум три поколения и несколько семей: родители, взрослые сыновья приводили жен, у них рождались дети. Таким образом, в бане одновременно мылось по многу человек, подчас без различия полов и родственной принадлежности. Вместе нельзя было мыться только куму и куме¹¹⁶. У тихвинских карелов «очень древний обычай совместного мытья в бане всех членов семьи соблюдался в ряде старообрядческих деревень до 1950-х гг.»¹¹⁷. Карелы-людики тоже рассказывали, что до середины XX века все соседи, и мужчины, и женщины, могли мыться вместе. Однако Э. Леннрот, путешествуя в 1828 году по территории Саво и примыкавшей к ней Карелии, писал, что «Рюс заблуждается, утверждая, что мужчины и женщины парятся вместе. Я нигде не встречал такого. Мужчины всегда парятся первыми, а женщины – после них»¹¹⁸. Возможно, Э. Леннрот имеет в виду только ритуал паренья, все-таки отрицать обычай совместного мытья разных полов нельзя.

Повсеместно у карелов было принято приглашать в баню одиноких людей и всех соседей. Каждый приглашенный должен был прочитать заговор, благодаря за приготовленную баню тех, «кто ее срубил, стены мхом проконопатил, каменку сложил, дров наколол, прорубь прорубил, воду наносил, баню истопил, пол подмел, веник приготовил, пару поддал»¹¹⁹.

Подобные обычаи были и у других финно-угорских народов, и у русских. Как отмечают эстонские исследователи, в одних деревнях води в 1942 бани рядом с каждой избой, в других – одна на два-три двора¹²⁰.

Таким образом, карельская баня на протяжении последних столетий проделала достаточно большой путь в своем развитии от маленькой землянки с костровищем посередине до многокамерной постройки, иногда даже с террасой для отдыха и бассейном для плавания в зимнее время. Претерпевали трансформацию и этикет, и различные банные ритуалы, которые будут рассмотрены в следующих главах.

---

¹¹⁵ KKS. Osa 2. Helsinki, 1974. S. 520.

¹¹⁶ Тароева Р. Ф. Материальная культура карел. М.-Л., 1965. С. 116.

¹¹⁷ Фишман О. М. «А все равно лучше жили»: нарративы тихвинских карелов о прежней крестьянской жизни // Культура повседневности карельской семьи. Сост. О. П. Илюха. Петрозаводск, 2014. С. 59.

¹¹⁸ Путешествия Элиаса Леннрота. Путевые заметки, дневники, письма. 1828–1842. Петрозаводск, 1985. С. 22.

¹¹⁹ Пертту П. По следу Вайнямёйна. Петрозаводск, 1978. С. 211.

¹²⁰ Taive I. Vajjalaista kansankulturia. Helsinki, 1981. S. 50–51.

Этикет банного ритуала карелов

Баннный ритуал карелов был строго регламентирован и включал в себя множество табу.

Карелы соблюдали правило, что всем людям надо помыться в три очереди, «в три пара» *kolmeh löylyh*. «На четвертый пар» уже приходили духи-хозяева бани, которых карелы почитали и боялись прогневать.

Топили баню чаще всего девушки или женщины¹²¹. В домах побогаче это делала прислужница *piika*. Пока топилась баня, женщины вязали¹²². Возможно, это делалось не случайно: именно в баню в сакральный период Святков приходили узнавать свою судьбу на предстоящий год. Вязание и прядение связано с удлинением жизненного цикла. В мифологиях многих народов «нить жизни» прядут особые духи, у карелов этим занималось древнее божество Кегри¹²³.

Летом баню по-черному начинали топить часа в три, зимой – еще раньше, иногда прямо с утра, чтобы всем успеть помыться до захода солнца. После того как баня протопилась, ее продолжительное время проветривали, чтобы ушел дым.

Топили баню чаще всего березовыми дровами, они давали и самый лучший пар, и больше всего тепла. Ольха также годилась для получения хорошего пара, но баня получалась не такой горячей. По некоторым сведениям, сосновые дрова и любые смолянистые не использовали, так как считалось, что они придавали бане горечь. Хотя есть и иные мнения, зафиксированные, например, у святозерских людиков. В Приладожской Карелии и в Сямозерье банными дровами *kylyruhi* называли дрова, приготовленные именно из невысоких засохших на корню сосенок¹²⁴. Об использовании сосновых дров писал и Э. Леннрот¹²⁵. Для растопки часто использовали дрова с пожарищ.

Пока баня топилась, на воронцы и стены расстилали и развешивали рабочую одежду: жар и дым выгонял из них вшей¹²⁶.

Особо оговаривается, что в баню нельзя приносить воду накануне или поздно вечером. Иначе прогневаются духи-хозяева и воды, и бани: в таком случае во время мытья так запутаются волосы, что их придется выстричь¹²⁷. Волосы, как известно, в представлениях многих народов были средоточием жизненной силы и энергии, поэтому, возможно, на них и был направлен гнев банных хозяев¹²⁸.

После того как баню натопили и проветрили, ее хорошенько мыли, в том числе смывая (или смахивая мокрым веником) сажу со стен над лавками и полками.

По одним сведениям, первыми шли мыться девушки, затем женщины с детьми, а после них мужчины¹²⁹. Но чаще всего все-таки первыми в баню ходили мужчины. В теплое время года они шли в баню босиком, в нижнем белье. Если были вши, то белье, вывернув наизнанку, вытряхивали над горячей каменкой: «только треск стоит»¹³⁰.

В небольших семьях и мужчины, и женщины, и дети ходили в баню все вместе. Об этом говорили наши информанты, а также писал С. Паулахарью в своих путевых заметках по Каре-

¹²¹ ФА 2390/24, НА 34/261.

¹²² Inha I. K. Kalevalan laulumailta. Helsinki, 1999. S. 120.

¹²³ Конкка А. П. Клубок для Кегри, или некоторые проблемы изучения древнего карельского аграрного праздника (культ мертвых и вопросы временной приуроченности) // Историкокультурный ландшафт Северо-Запада-3. СПб, 2014. С. 66–73.

¹²⁴ KKS. Osa 2. Helsinki, 1974. S. 520.

¹²⁵ Путешествия Элиаса Леннрота. Путевые заметки, дневники, письма. 1828–1842. Петрозаводск, 1985. С. 208.

¹²⁶ Paulaharju S. Karjalainen sauna. Helsinki, 1982. S. 98.

¹²⁷ Записано от Т. Хейккинен в 2015 году в и. Пряжа.

¹²⁸ Härmäläinen A. Ihmisruumiin substanssi. Suomalais-ugrilaisien kansojen taikuudessa. Helsinki, 1920. S. 18–46.

¹²⁹ ФА 2241/27.

¹³⁰ Paulaharju S. Karjalainen sauna. Helsinki, 1982. S. 99.

лии в 1907–1908 годах. Это отмечали и русские собиратели народных обычаев на территории Карелии: «С малых лет дети учатся не стесняться, на посиделках, гуляниях они присутствуют и видят все; в банях, куда ходят все – свои, чужие, мужчины, женщины, девушки, парни – они там же. Все они видят, все они знают и сами делаются такими же»¹³¹. Та же самая картина была и Финляндии. Финский исследователь Т. Вуорела отмечал, что в Тампере все мылись вместе еще в 1890 годах, а в городках поменьше – вплоть до двадцатых годов XX века, и «баннный нудизм *saunanudizmi*» никого не удивлял¹³². О совместном мытье в бане соседей разных полов, особенно пожилого возраста, вплоть до середины XX века вспоминали и пряжинские людики во время фольклорно-этнографической экспедиции 2015 года.

По некоторым сведениям, заходя в баню, надо обязательно наступить на баннный порог¹³³, чего ни в коем случае нельзя делать в избе, кроме случаев, когда проводят ритуалы исцеления (например, лечат поясницу).

Зайдя в баню, смачивали голову прохладной водой, затем распаривали веник в горячей воде (иногда он был уже приготовлен заранее), а потом на каменке, на которую бросали пар. Летом могли сразу начинать париться свежесорванным молодым веником, смочив его перед этим в озере. На полках иногда могла лежать солома или свежее сено.

При этом в бане не столько мылись, так как нагреть с помощью камней большое количество воды было сложно, сколько парились. Паренье было особым ритуалом, особенно подолгу парились мужики постарше, младшие ждали своей очереди на нижних лавках. Пар любили погорячей. Веник, по мере его подсыхания от горячего пара, окунали в воду. Парились по несколько раз, в перерывах отдыхая в сенах или купаясь.

Регулярное прогревание и паренье, в результате которого открывались поры и выделялись шлаки, глубокое насыщение кожи и всего организма влагой – все это способствовало не только очищению, но и омоложению организма. Купание в прохладной и даже в холодной воде его закаливало.

Веник карелы делали из березовых веток с гладкими, блестящими листьями, у которых был острый кончик. Лист даже пробовали языком: он должен был быть скользким, ярко- или темноокрашенным и без горечи. Такие березы растут на сухих пригорках, в бору¹³⁴. Иногда говорится, что лист должен быть шершавым, как бы с крохотными бугорочками: он очень хорошо держится на ветке и не опадает во время паренья. Карелы говорили, что такие листья имеют частые зазубрины и дрожат на длинных березовых ветвях, как листья осины, даже в самую безветренную погоду¹³⁵. Ливвики называли такие березы *vastalehtikoivu*, сегозерские карелы – *ruuhmikaskoivu*, северные карелы и финны – *rauvuskoivu*. Говорилось, что на них «такой хороший, звенящий лист *on moine hyvä, helizii lehti*». Такие березы росли не везде. Чаще встречались другие виды: *pihkakoivu*, *juomiskoivu*, *lusina*, *hikikoivu*; их ветки использовались только в качестве корма для скотины¹³⁶. Для банных веников ни в коем случае не ломали ветки с берез с пушистыми и мягкими листьями. Категорически запрещалось рвать ветки для веника с деревьев, стоящих на болоте. Согласно древнему мировосприятию карелов болото считалось «иномирным» пространством, чуждым и враждебным человеку. В некоторых лечебных заговорах и свадебных причитаниях этот локус называют самым нижним, самым близким подземному миру мертвых Манале-Туонеле. Ветки для веников рвали только с того дерева, которое росло отдельно, чтобы «вода с другого дерева не капала сверху»: иначе у парящихся не

¹³¹ Георгиевский М. Д. Из народной жизни // ОГВ. 1980. № 73. С. 743–744.

¹³² Virtanen L. Onnin yksillä. Kansanperinnettä ennen ja nyt. Mikkeli, 1984. S. 53.

¹³³ Устное сообщение Е. И. Клементьева (Муезерский район)

¹³⁴ ФА 2253/13.

¹³⁵ Никольская Р. Ф. Материальная культура // Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 123.

¹³⁶ НА 8/615.

будет здоровья¹³⁷. На зиму веники заготавливали строго в определенный период летних Святков *Viändöin aigu*, с Иванова до Петрова дня, когда вся природа достигала пика своего расцвета¹³⁸. Заготовленные на зиму веники перевязывали тонким березовым прутиком или лыком (твердые карелы), затем прикрепляли два веника вместе и попарно развешивали сушиться на чердаках дома, в сараях или в кладовых.

Некоторые информанты говорили, что старые веники нельзя забирать из бани – их сжигали в банной каменке. Считалось, что «если использованный веник попадет в руки плохого человека, то он может причинить вред всем, кто пользовался этим веником»¹³⁹. Но все-таки чаще всего банные веники, как говорили в Вокнаволоке, после использования в бане ополаскивали в озере и потом забирали в избу для подметания полов¹⁴⁰. Исключением были веники, которыми парились девушки. В Сямозерье их в течение всего года собирали, а потом в Ивановскую ночь относили на росстань, поджигали и прыгали через этот костер¹⁴¹. Таким образом девушки поднимали свою лемби, то есть честь, славу и сексуальную привлекательность в глазах противоположного пола.

Интересно, что ижемские коми в Иванов день делали новый березовый веник и парились им в бане. Но они обязательно относили его на речку и «выкидывали в воду этот веник, чтоб вода унесла болезни»¹⁴².

Иногда карелы в бане в лечебных целях использовали крапивные веники, а также и можжевеловые, сорванные с молодых кустов, иголки у которых длинные и мягкие.

В бане использовали специальную утварь, которой нельзя было пользоваться в иных целях. Например, ведрами, которыми носили воду в баню, нельзя было приносить воду в дом. Для мытья использовали особые банные корыта *kylykartta*, выдолбленные из цельного куска дерева. Часто они были разделены на две части: в одной была холодная вода, в другой – горячая¹⁴³. Делались такие корыта, а иногда и ушаты, из осины. Их не сразу ошкуривали, чтобы они быстро не растрескались. Воду нагревали в бочках-колодах, бросая в них раскаленные камни¹⁴⁴.

По некоторым сведениям, в бане должно было быть четное количество тазов. Возможно, здесь прослеживается связь с культом предков. Вспомним, что в наши дни четное количество цветов приносят только умершим.

Мыла у карелов не было. Иногда его покупали для девушек. Еще в послевоенное время, в конце первой половины XX века, приятно пахнувший мыльный брусочек очень высоко ценился. Карелы называли его *duuhumuilu* мыло-духи или душистое мыло. Обычно для мытья головы в бане использовали разведенный щелок. Это водный отвар березовой золы. Для его приготовления собирали золу, оставшуюся после горения только березовых поленьев, заливали ее водой и этот чугун ставили на целый день в печь. Затем отвар остужали и процеживали. Получалась прозрачная жидкость желтоватого цвета. Перед мытьем или стиркой щелок разводили в необходимых пропорциях водой.

¹³⁷ Lykyn avain. 999 vanhaa taikkaa ja uskomusta / Toim. J. Nirkko. Helsinki, 1991. S. 88.

¹³⁸ ФА 2241/27.

¹³⁹ Lykyn avain. 999 vanhaa taikkaa ja uskomusta / Toim. J. Nirkko. Helsinki, 1991. S. 88.

¹⁴⁰ ФА 2520/23; НА 34/282.

¹⁴¹ Nautala J. Vanhat merkkipäivät. Jyväskylä, 1982. S. 252.

¹⁴² Фольклор ижемских коми в Ненецком автономном округе / Сост. А. Н. Рассыхаев, В. М. Кудряшова. Сыктывкар – Нарьян-Мар, 2014. С. 325.

¹⁴³ KKS. Osa 2. Helsinki, 1974. S. 520.

¹⁴⁴ Никольская Р. Ф. Материальная культура // Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 123.

Мыли волосы и специальным отваром, приготовленным из *pakkuli*. Это особый гриб-трутовик, нарост на стволе березы. Для этого грибы-наросты закладывали в чугунок, заливали водой и целый день томили в печи – готовили отвар *pakkuli poruu keitetih*¹⁴⁵.

Мытье головы со щелоком, полоскание отваром трав способствовали росту и густоте волос, давали стойкий косметический эффект.

У финнов во время процесса приготовления мыла в домашних условиях существовал строгий запрет на произношение этого слова «saipru». Табуированное слово заменялось другими, например, *lähretys*. При этом все делалось в тайне, чтобы никто из соседей не знал, то есть сам процесс приготовления мыла даже в конце XIX века был сакрализован¹⁴⁶.

Мылись карелы тоже с помощью *koivupakkuli*. После того как этот гриб-трутовик целый день парили в печи, он становился достаточно мягким¹⁴⁷. Поэтому в бане терлись им как мочалкой. Позже появились мочалки из рогожи.

Как пишет И. К. Инха, карелы в бане не торопились, подолгу сидели и разговаривали. После бани карелы очень любили купаться. Они начинали купальный сезон ранней весной, когда в озере появлялись первые полыньи. Многие зимой купались в снегу или обтирались им¹⁴⁸.

В 1913 году современник писал про ухтинских карелов: «В зимнее время часто можно встретить кореляков, идущих из бани в адамовом костюме, хотя бывает довольно большой мороз»¹⁴⁹. А с весны по осень дети и мужчины постарше всегда шли из бани домой обнаженными, прикрываясь спереди свернутым бельем¹⁵⁰. Иногда летом они сидели на улице, ждали, когда тело остудится и подсохнет, потом надевали нижнюю рубашку В старину полотенцем после бани карелы не пользовались.

Карелы обычно умывались утром и вечером перед молитвой. И обязательно умывались, придя из бани: «иначе будет грех». «*Kylyn jället pidäy pestä eäreh*» – «Банные следы надо смыть»¹⁵¹. Зайдя в избу, ополаскивали лицо и руки, кланялись перед образами и благодарили за баню: «*Jumalalle kiitos, sain hyvin peseytyä!*» – «Слава Господу, хорошо помылся!» Женщина, придя из бани, ополаскивала грудь, прежде чем дать ее ребенку. Более того, если в баню сводили больного или умирающего, его следовало полностью вымыть чистой водой в избе¹⁵². Таким образом смывались следы присутствия в иномирном пространстве и происходило приобщение к домашнему очагу и духам-хозяевам дома.

Затем садились ужинать. На столе обычно стояла каша с молоком, хлеб и свежая или соленая рыба.

Вот как в конце XIX века описывал банный процесс у южных карелов Н. Ф. Лесков: «Ходить в баню для кореляков величайшее удовольствие. В летние дни бани топятся ежедневно; и все, пришедшие с работы, „валом валят” в них помыть свое грешное тело и распарить кости. Бани кореляков величиною не более как в квадратную сажень или полторы... Каменка занимает почти половину, по стенам узкие скамьи, и подле каменки высокий полук. И представьте себе, что в этой тесноте помещается человек двадцать-тридцать обоого пола: здесь и мужики, и бабы, парни и девушки, и маленькие дети; все хлещут себя вениками, все парятся до полузабытья. Совместное хождение в баню обоих полов не ведет, однако, к случаям прелюбодеяния. Совершить прелюбодеяние в бане, по мнению кореляков, один из самых страш-

¹⁴⁵ НА 8/622.

¹⁴⁶ *Lykyn avain. 999 vanhaa taikkaa ja uskomusta / Toim. J. Nirkko. Helsinki: SKS, 1991. S. 89.*

¹⁴⁷ ФА 2390/24.

¹⁴⁸ Inha I. K. *Kalevalan laulumailta. Helsinki, 1999. S. 124.*

¹⁴⁹ Б-ков М. Быт карела // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1913. № 3. С. 108.*

¹⁵⁰ Turunen A. *Kalevalan sanat i niiden taustat. Helsinki, 1981. S. 298.*

¹⁵¹ SKS 74/2593,2595.

¹⁵² Inha I. K. *Kalevalan laulumailta. Helsinki, 1999. S. 52.*

ных грехов и наказывается очень строго. Напарившись до изнеможения, все бросаются в озеро или реку – остыть в холодной воде; после холодной ванны, снова начинается паренье еще с большим ожесточением; потом опять купанье и снова паренье, и так чередуется несколько раз. Зимой же, после паренья, выбегают на улицу, сидят на снегу, окачиваются холодной водой из проруби... Такие резкие переходы от жару к холоду и от холоду к жару приучают кареляков безвредно переносить всевозможные перемены температуры и застраховывают их от заболеваний простудой»¹⁵³.

Купаясь после бани, карелы считали, что они вторгаются во владения хозяев воды, проникают в чуждое, иномирное пространство. Для того чтобы такое проникновение было безопасным, старики-людики советовали подросткам есть заплесневелый хлеб: «Если будешь есть заплесневелый хлеб, будешь хорошим пловцом. Чем больше будешь есть такого хлеба, тем лучше будешь плавать»¹⁵⁴. С мифологической точки зрения этот совет объясним. Чужой, иной мир духов зеркальноподобен своему, человеческому. В карельской мифологической прозе говорится, что, когда у нас, в мире человека, темно, у них – светло, когда у нас идет дождь, у них – солнечно, если у нас холодно, у них – тепло. То же самое происходит и с едой: то, что в мире людей кажется опавшей листвой, мхом или даже калом, в мире духов – пряники и конфеты. Есть даже поговорка: «Плесень – это хлеб дьявола». Как известно, в фольклоре именно через еду, угощение происходит приобщение к иному миру, миру духов¹⁵⁵. Именно поэтому и в сказках, и в былинках герой или героиня, попав в чужой мир, имеют больше шансов вернуться домой, если они не притронулись к предлагаемым яствам. В случае же с поеданием заплесневелого хлеба хозяева воды *vein izändy da vein emändy* как бы видели в пловце, вторгнувшемся в их пространство, своего.

Карелы, помывшись в бане, после себя обязательно оставляли чистую воду, чтобы могли помыться духи-хозяева бани. Считалось, что они приходят «на четвертый пар». Веник должен был лежать на лавке, а не под нею, чтобы банные духи не обиделись.

Карелы очень любили ритуал посещения бани. У них даже есть специальный глагол, обозначающий банный процесс, – *kylytellä*, то есть ходить в баню. Зимой топили баню два-три раза в неделю, традиционно по субботам, а иногда и по вторникам и четвергам. Эти два дня так и назывались *kylypäivät* банные дни. Некоторые информаторы вместо четверга называют среду¹⁵⁶, но это, скорее, исключение из правил. У карелов есть даже пословица: «*Kylytöi suovattu da piiratoï ruhäpäivü ei maksa nimitä*»¹⁵⁷ – «Суббота без бани да воскресенье без пирогов ничего не стоят». Во время летней страды (пожога, сенокос, жатва, молотба) могли ходить в баню практически ежедневно, кроме воскресенья. Но всегда обязательно соблюдали одно условие: вернуться из бани до захода солнца. После этого наступало время париться духу-хозяину бани.

Особые временные отрезки, в которые баню топить было запрещено, так и назывались: *kylytöi aigu* время без бани. Это, например, страстная неделя перед Пасхой, по-карельски *strasnoi nedäli* страшная неделя: «*Kylytöi aigu nygöi on, kallehed päivät on, ei kylyy lämmitetä*» – «Безбанное сейчас время, драгоценные сейчас дни, не топят баню»¹⁵⁸. Эта традиция сформировалась под влиянием православия. Если обратиться к карельским духовным стихам, то можно обратить внимание на то, что три дня в неделю, в которые обычно запрещалось топить баню, – среда, пятница и воскресенье – сакрализованы. Это обусловлено христианскими воз-

¹⁵³ Лесков Н.Ф. Вшндуйдь // Живая старина. Вып. 3–4. СПб., 1894. С. 515.

¹⁵⁴ Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa 2. Helsinki, 1963. S. 190.

¹⁵⁵ Пропп. В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 67.

¹⁵⁶ НА 34/261.

¹⁵⁷ Karjalan sananpolvia / Toim. L. Miettinen, P. Leino. Helsinki, 1971. S. 221.

¹⁵⁸ KKS. Osa 2. Helsinki, 1974. S. 522.

зрениями. Согласно Новому Завету, в среду Христос был предан Иудой, в пятницу распят на кресте, а в воскресенье восстал из мертвых.

Согласно мордовской традиции, в отличие от карельской, на страстной неделе в баню ходили трижды. В среду следовало поскорее раздеться и облиться холодной водой. В пятницу, начиная париться, каждый призывал духов умерших, для которых приносил воду и веник. В субботу баню топили девушки, а парились все. В Великий четверг мордва проводила особое моление, в котором обращались к банному божеству Баняве с просьбой о здоровье¹⁵⁹.

Таким образом, процесс посещения бани у карелов был ритуализирован и табуирован. При этом, если человек соблюдал все правила банного этикета, посещение бани обеспечивало его здоровьем и покровительством духов в дальнейшей повседневной жизни.

---

¹⁵⁹ Девяткина Т. П. Мифология мордвы. Саранск, 2006. С. 104.

Функции карельской бани в обрядах жизненного цикла

С точки зрения современного человека главной лежащей на поверхности функцией бани является утилитарная, гигиеническая. После тяжелого трудового дня, проведенного зимой в холодном лесу, а весной, летом и осенью на лугу, в поле или риге, крестьянину требовалось смыть пот и грязь, летом удалить зуд от укусов насекомых, зимой согреться. Массаж веником помогал натруженному телу расслабиться и отдохнуть. То есть в бане происходило физическое очищение тела.

Но фольклорно-этнографические материалы показывают, что в старину для карела не менее важны были иные функции бани, способствующие очищению не столько тела, сколько души. Не случайно в Новом Завете в «Послании к ефесянам» баня – это очищение словом и Святым Духом, сравниваемое с наружным омовением, которое было хорошо известно евреям: «Христос возлюбил церковь и предал Себя за нее, Чтобы освятить ее, очистив банею водною, посредством слова».¹⁶⁰ В «Послании к Титу» апостол Павел говорит, что Бог «спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом, Которого излил на нас обильно чрез Иисуса Христа, Спасителя нашего»¹⁶¹.

В дохристианские времена у русских баня была тем сакральным местом, где отправлялся культ домашних духов и культ предков-родоначальников¹⁶². Как пишет Н. А. Криничная, «баня осмыслялась как некое сакральное пространство (благожелательное и вредоносное), где совершается таинство перехода к важным этапам жизненного цикла.

Здесь властвует идея круговорота, стирающая грани между жизнью и смертью, бытием и небытием, реальным и потусторонним мирами... профанным и сакральным временем, между прошлым, настоящим и будущим»¹⁶³. Для карела также баня вплоть до середины XX века в первую очередь была неким семейным святилищем, в котором проводились многочисленные ритуалы, связанные с переходными периодами в жизни человека: с рождением, свадьбой и погребально-поминальной обрядностью. Баня, как указывалось выше, была одной из ранних форм жилища, и в ее духах-хозяевах карелы «видели покровителей семьи, и культ их в известной мере можно рассматривать как одну из ранних форм культа предков»¹⁶⁴. При этом следует сказать, что, по мнению карела, вредоносное влияние бани и ее хозяев встречалось только в единственном случае: когда человек сам нарушал пространственно-временные границы, различные табу и правила банного этикета.

Функции карельской бани и их особенности можно наглядно выявить, исследуя различные ритуалы, проводимые в этом локусе.

¹⁶⁰ Новый Завет. Еф. 5: 25–26.

¹⁶¹ Новый Завет. Тит. 3:5–6.

¹⁶² Катаров Е. Г. О значении некоторых русских свадебных обрядов // Известия Императорской Академии наук. VI серия. Пт., 1917. Т. XL № 9. С. 645; Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 285, 340, 404, 412.

¹⁶³ Криничная Н. А. Сынове бани // Этнографическое обозрение. 1993. № 4. С. 75.

¹⁶⁴ Никольская РФ., Сурхаско Ю. Ю. Баня в семейном быту карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 83.

Баня в родильной обрядности

Бане в родильной обрядности карелы отводили совершенно особое место. Рожать в избе запрещалось категорически. Как говорили в Вокна-волоке: «Ne vet reäkkeä varattih» – «Они ведь греха боялись»¹⁶⁵. В родильных заговорах прямо указывается, что роды изначально проходили в бане¹⁶⁶. Баня была, во-первых, местом обитания предков, на чью помощь рассчитывали в переходный период, во-вторых, изолированным от чужих взглядов помещением и, в-третьих, местом, где была рядом теплая вода и очищающая сила огня, стихиям которых карелы поклонялись.

Сегозерские карелы рожали в бане или в хлеву, а иногда в трудных случаях – в подполье, тоже локусе обитания предков¹⁶⁷. Д. А. Золотарев, описывая экспедицию к кестеньгским карелам, замечал: «Роды обыкновенно проходят не в избе, а в хлеве или в бане в совершенно антигигиеничной обстановке»¹⁶⁸. Об этом же свидетельствует и финская традиция: «Роды никогда не проходили в избе и при домочадцах, а только в бане и, реже, в хлеву»¹⁶⁹. Правда, по мнению Р. Ф. Никольской, сведения о проведении родов в бане «относятся к более поздним представлениям»¹⁷⁰. С этим вряд ли можно согласиться. Скорее всего, место родов из бани в хлев постепенно переместилось, в том числе и под влиянием христианства.

Например, беременная Марьятта в эпических песнях и в «Калевале», вынужденная покинуть родной дом, просит пустить ее в баню, чтобы родить младенца. Но все прогоняют ее, не веря в зачатие от «волоса» или «бруснички».

---

¹⁶⁵ Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo-Helsinki, 1958. S. 167.

¹⁶⁶ SKVII: 920 (Tulomajärvi), 925, 925a (Repola); VII: 3026, 3056.

¹⁶⁷ HA 8/1137.

¹⁶⁸ HA Разряд 1, оп. 2, ед. хр. 98, лист 7.

¹⁶⁹ Virtanen L. Onnin yksillä. Kansanperinnettä ennen ja nyt. Mikkeli, 1984. S.63.

¹⁷⁰ Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел / Сост. Р. Ф. Никольская, А. П. Косменко. Л., 1981. С. 81–82.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.